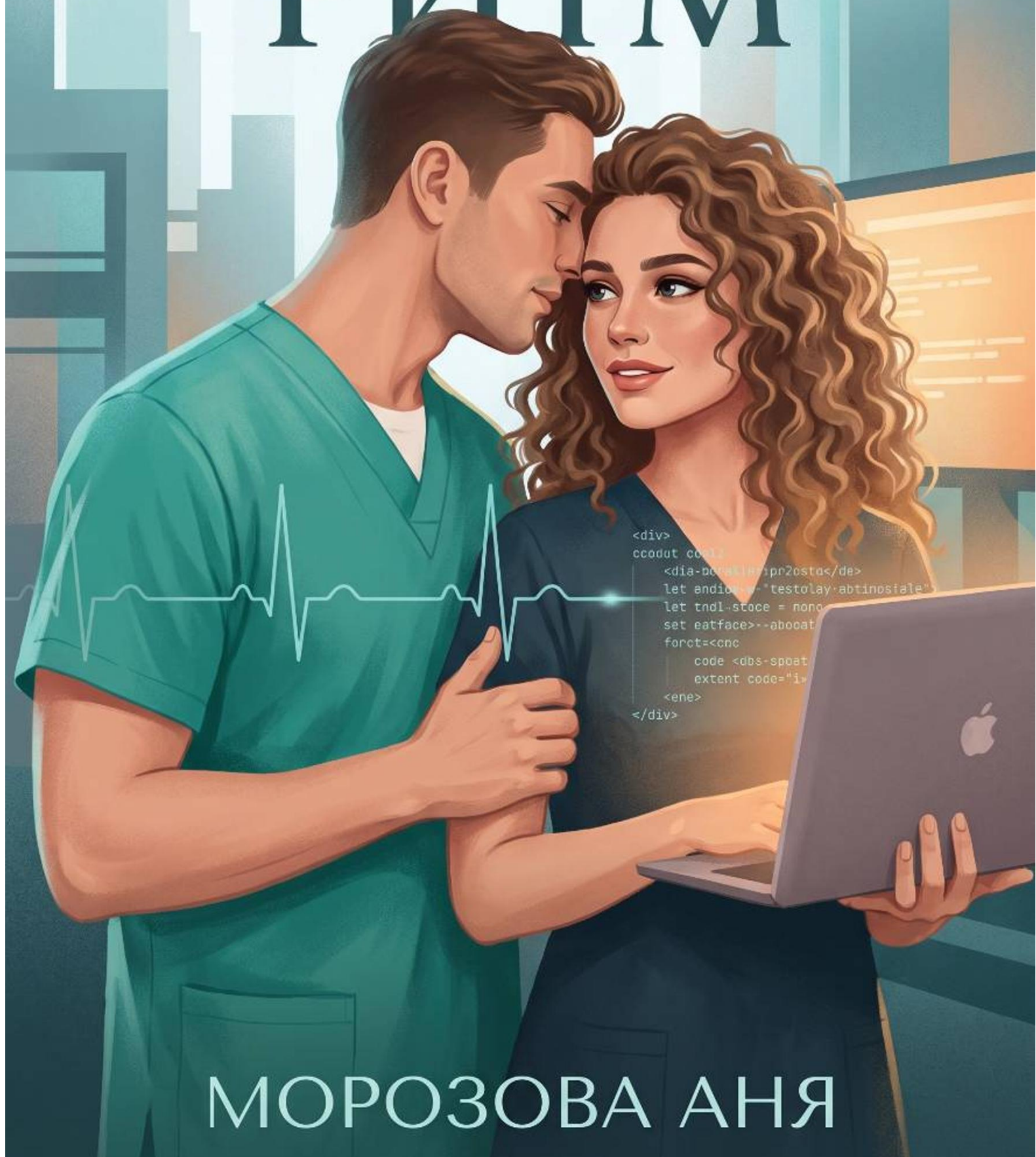

ОБЩИЙ РИТМ

МОРОЗОВА АНЯ

Аня Морозова

Общий ритм

«Автор»

2026

Морозова А.

Общий ритм / А. Морозова — «Автор», 2026

Инженер Ася доверяет цифрам, а не людям: их можно перепроверить и записать в блокнот. Её система должна помочь реанимации замечать ухудшение раньше врача. Но чтобы доказать это, ей придётся работать с Кириллом — заведующим отделением, привыкшим решать, когда на кону жизнь. Он подписывает договор не потому, что согласен, а потому, что вынужден. Она остаётся не потому, что уверена, а потому, что не привыкла бросать задачу. А потом часы в отделении расходятся. Четырнадцать секунд — пропасть. Три устройства, три времени. Ошибка превращается в вопрос, на который страшно отвечать: кто и как изменил временные метки? Пока они спорят о времени, между ними идёт другой отсчёт — тихий, не записанный в журнал. Паузы в машине. Сэндвич, купленный без лишних слов. Цитрусовый раф. Ночь в дежурке. Строчка «пчёлка (не смешно)», которую Ася не зачеркнула. Роман о том, что доверие не подписывают под договором и не доказывают статистикой. Его выверяют по секундам, пока два ритма не совпадут.

© Морозова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стенд	5
Глава 2. Первая смена	8
Глава 3. Пауза	11
Глава 4. Несовпадение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Аня Морозова

Общий ритм

Глава 1. Стенд

Выставочный зал шумел еще до открытия: инженеры настраивали экраны, представители клиник раскладывали буклеты. Ася приехала раньше команды — ей нравилось видеть стенд до того, как его окружают люди.

Ей было около тридцати. Невысокая, в светлой рубашке и темном жакете, с блокнотом, испещренным пометками. Темно-русые волосы собраны в хвост, но несколько мягких кудряшек выбились у висков. Тонкие очки в неброской оправе сползли на переносицу, когда она наклонялась к экрану. На манжете виднелась чернильная полоска — давний след, который она не успела отстирать. Ася была инженером и руководителем проекта: системы мониторинга для реанимации, разработанные ее командой, должны были помогать врачам замечать ухудшения раньше. Она проверила заряд, поправила кабель и записала в блокнот вопросы, которые зададут врачи.

— Павел, глянь, пожалуйста, — позвала она.

Из-за стойки показался Павел — инженер команды, худощавый, с растрепанными волосами и стаканчиком кофе, который он держал за самый край. На рукаве белела наклейка «ПЕР-СОНАЛ», приклеенная вверх ногами. Он был из тех, кто чувствует оборудование руками и не любит, когда кто-то трогает его без спроса.

— Вижу. После прогона переложу. Сейчас не трогай, там все через переходник.

— Он пережат.

— Он выглядит пережатым. Это разные вещи.

Ксюша принесла кофе — высокая, коротко стриженная, с легкой улыбкой, которая появлялась, даже когда она говорила серьезные вещи. Она отвечала за коммуникации и умела замечать, когда Ася превращает тревогу в еще одну проверку.

— Ты опять пришла раньше всех. Если стенд решит зависнуть, пусть сделает это сейчас, а не при аудитории.

К полудню проходы заполнились. Мужчина с бейджем городской клиники подошел без сопровождающих. Выше Аси, широкоплечий, с короткими темными волосами и легкой щетиной. Тени под глазами выдавали долгую смену, но взгляд оставался собранным. На нем был простой темный пиджак и светлая рубашка; бейдж висел чуть набок. Это был Кирилл — руководитель отделения реанимации, человек, привыкший принимать решения в три часа ночи, когда на кону чья-то жизнь. Он смотрел не на яркие слайды, а на строки с ограничениями.

— Вы уверены, что это не создаст ложных тревог? — спросил он.

Ася могла ответить заготовленной фразой, но вместо этого закрыла презентацию.

— Уверенной без проверки я быть не могу. Система должна помогать заметить изменение, а не решать за врача.

Кирилл слушал молча. Он привык, что разработчики показывают удачные примеры и обходят ограничения. Ася начала именно с ограничений. Это не означало доверие — но он стал слушать внимательнее.

В проходе кто-то задел стойку сумкой. Кабель натянулся и выскочил из крепления. Ася увидела, как штекер начал отходить, и, не подумав, дернула его на себя.

Экран погас.

— Это не сбой системы, — сказала она слишком быстро.

Павел молча вернул кабель на место.

— Это часто бывает? — тихо спросила женщина с бейджем.

— Нет, — ответила Ксюша. — Это была рука Аси, а не система.

— Извините, — сказала Ася. — Я увидела, что провод натянулся, и полезла поправлять, не спросив инженера.

Павел поднял палец с пола:

— Подтверждаю. Система не пострадала. Моя гордость — чуть-чуть.

Кто-то засмеялся. Ася потянулась запустить демо заново, но Кирилл сказал:

— Не нужно заново. Я уже услышал достаточно.

Без экрана она говорила точнее — не показывала, а объясняла. Кирилл достал телефон и коротко что-то записал.

К середине дня к стенду подошло руководство клиники, где Кирилл руководил отделением реанимации: заместитель главного врача Виктор Сергеевич, грузный мужчина в сером костюме, и начальник отдела информатизации с планшетом. С другой стороны прибыла Надежда Дмитриевна — директор компании Аси, сухоощавая, с короткой стрижкой и цепким взглядом. Разговор шел о сроках, доступе к данным и границах ответственности.

Когда обсуждение подошло к условиям пилота, Кирилл заговорил — впервые не вопросом, а заявлением.

— Я не готов рекомендовать этот пилот своему отделению. Мы видели демонстрацию на синтетических данных. Один инцидент с кабелем — и это на стенде, где все под контролем. В отделении условий больше, а последствия серьезнее.

Виктор Сергеевич посмотрел на него без раздражения, но и без готовности уступить.

— Кирилл Андреевич, никто не предлагает запускать систему без ограничений. Пилот именно для того и нужен.

— Пилот проверяет систему. Кто проверяет пациентов?

— То же, что происходит сейчас без нее, — ответил Виктор Сергеевич. — Врач принимает решение. Система не вмешивается в лечение. Она наблюдает.

— Она наблюдает, а я отвечаю. Если панель даст ложную тревогу в три часа ночи, медсестра пойдет проверять сигнал, а не пациента. Это стоит времени, а время в отделении стоит жизни.

Ася слушала и молчала. Она понимала, что Кирилл прав — не в выводе, а в формулировке риска. Она не могла пообещать, что ложных тревог не будет.

— Я не могу обещать, что ложных тревог не будет, — сказала она. — Но я могу обещать, что каждая будет зафиксирована, разобрана и объяснена. Если система мешает — ее отключают. Не через неделю, не через день — сразу.

Кирилл посмотрел ей в глаза. Во взгляде не было ни благодарности, ни согласия — он всё ещё оценивал её слова. Ася говорила не как продавец, а как инженер, который знает пределы своего инструмента. Это его не убедило, но заставило задуматься.

Виктор Сергеевич кивнул.

— Решение принято на уровне руководства. Пилот запускается в одном отделении, в ограниченном режиме. Кирилл Андреевич, вы руководите отделением и определяете порядок работы. Но решение о пилоте — не ваше единоличное.

Кирилл не стал спорить. Он отвернулся к окну и несколько секунд смотрел на проходы выставки, где люди двигались мимо стендов, не зная, что в одном из них решается вопрос, который он считал незамкнутым.

— Условия, — сказал он, не оборачиваясь. — Бумажный журнал остается. Обучение — до запуска, не в один день. Ответственный на каждой смене. И я хочу, чтобы система не перекрывала привычные показатели.

— Принимается, — кивнула Надежда Дмитриевна.

Ася подписала договор первой — подпись вышла четкой и короткой. Виктор Сергеевич подписал от клиники, Надежда Дмитриевна — от компании. Кирилл подписал последним. Он не читал текст дважды, не задал дополнительных вопросов. Поставил подпись быстро, без паузы, словно боялся, что если задержится, то скажет что-нибудь, что сорвет то, чего он не хотел с самого начала.

Когда все разошлись, между ними ненадолго возникла тишина.

— Увидимся завтра в отделении, — сказал он.

— Буду к девяти.

Ася поблагодарила его. Кирилл кивнул. Он не сказал «за шанс» и не сказал «не за что» — просто кивнул. Ася поняла: подпись под договором не равна доверию. Тем более — подпись, поставленную не по выбору.

Перед уходом она записала в блокнот его имя — чтобы не забыть, кто первым спросил не о цене, а о том, что случится с людьми при ошибке. И кто подписал договор не потому, что согласился, а потому, что был вынужден.

Внизу страницы она написала: «Не трогать кабели во время показа». Потом зачеркнула и вывела: «Сначала спросить Павла». Ниже добавила: «Кирилл: не согласился — но дал договорить».

Глава 2. Первая смена

Коридор жил своим утренним ритмом. Тележка катилась, колёса щёлкали стыками плитки. У поста менялась ночная смена: кто-то передавал назначения, кто-то допивал остывший чай, кто-то коротко пересказывал события последних часов.

Ася старалась не занимать лишнего пространства. Два кейса, ноутбук, папка с формами — всё раскладывалось так, чтобы не мешать обычной работе.

Старшая медсестра, Марина Петровна, внимательно посмотрела на стойку. Ей было за пятьдесят, но двигалась она быстрее некоторых интернов: быстрые глаза, короткие жесты, привычка говорить так, что спорить не хотелось. Серые волосы убраны под шапочку, на бейдже — ровная подпись без завитков.

— Блок можно поставить здесь. Только кабель уберите с прохода. Ночью на него никто смотреть не будет.

— Проложим вдоль опоры. Закрепим, — Ася кивнула на тележку. — Главное, чтобы не цепляла разъём.

Кирилл подошёл чуть позже. В клинике он выглядел ещё строже, чем на выставке: тёмная форма, рукава закатаны, на поясе ключи и фонарик. Без лишних приветствий он обошёл стойку, проверил свободный доступ к монитору и только потом спросил:

— Что будет при потере связи?

Ася показала схему.

— Обычные мониторы продолжают работать независимо от новой системы. При сбое пропадёт только дополнительная панель. Автоматических действий нет.

Кирилл кивнул.

— Внесите это в памятку. Крупным шрифтом. И повесьте там, где персонал реально увидит.

Ася тут же поправила макет.

Он не пытался казаться техническим специалистом. Спрашивал ровно о том, что могло изменить работу персонала. И ещё — заметил, что Ася не спорит с медсёстрами, когда те указывают на неудобство. Она смотрела на отделение как на рабочее место людей, а не как на площадку для демонстрации.

К полудню установка была завершена. Перед запуском Ася собрала смену у поста.

— Система наблюдает, но не ставит диагноз и не принимает решений, — чётко произнесла она. — При сигнале сначала проверьте пациента и привычные показатели. Потом запишите, что увидели.

Марина Петровна прищурилась:

— То есть персонал будет проверять сам алгоритм?

— Именно так и должно быть.

Кирилл добавил спокойно, но так, что возражений не осталось:

— Новый инструмент не отменяет осмотр и протоколы. Правила не обсуждаются.

Первый час прошёл без событий. На экране медленно появлялись данные, система сопоставляла их с фоновыми показателями. Ася следила за качеством каналов, но старалась не стоять у поста постоянно. Марина Петровна вовремя её осадила:

— Если инженер будет смотреть через плечо, все начнут ждать её реакции.

Ася отошла к свободному столу. Каждую минуту хотелось проверить экран.

Первый сигнал. Жёлтая отметка на панели.

Медсестра у койки — быстрый осмотр. Проверка электродов. Один контакт отошёл. Щёлк — подключили. Кривая выравнилась. Уведомление погасло.

Ася открыла журнал и записала время. Слово «ложное» уже почти легло на бумагу, но она остановилась. Проблема была настоящей: контакт нарушился. Просто пациенту ничего не угрожало.

Она вывела чётко: «Артефакт контакта; сигнал помог заметить проблему, приоритет превышен».

Кирилл прочёл запись через плечо.

— Так точнее.

Его одобрение было коротким, но Ася неожиданно обрадовалась. Не потому, что искала подтверждения, а потому, что они работали над одной задачей.

Часы шли. Сигналы приходили. Проверки делались. Записи ложились в журнал. Ритм становился привычным. Кирилл периодически спрашивал сотрудников, не отвлекает ли панель, не теряется ли из виду привычный монитор.

После обеда Марина Петровна позвала Асю пройтись по отделению — без взгляда на панель. Они обошли пост, палаты, комнату хранения расходников. Медсестра показывала, где персоналу приходится разворачиваться с тележкой, где чаще всего цепляются провода, где ночью почти не слышно тихих звуков. Ася отмечала всё в блокноте, возвращалась, смотрела с высоты человека, который работает у койки.

— Нам не нужно, чтобы экран был красивым, — сказала Марина Петровна. — Нам нужно, чтобы он не мешал.

Ася признала: изначально выбрала место по удобству подключения. Вместе они перенесли стойку на другую сторону поста. Кирилл, заметив, что проход стал свободнее, не стал хвалить. Просто сообщил смене:

— Эта версия лучше.

В этом сдержанном одобрении Ася уловила больше, чем в длинном комплименте.

К вечеру сотрудники перестали постоянно смотреть на Асю. Молодая медсестра сначала каждый раз оборачивалась к экрану после сигнала, но постепенно научилась сначала оценивать ситуацию у койки. Ася записала, сколько времени занимает проверка, и отметила: звуковое уведомление всё ещё резковато.

Уставшая, но не готовая ехать домой, она вышла за кофе. Кофейня через дорогу, у окна — место, где можно разложить мысли. Блокнот раскрыт. Три столбца. Замечания ложатся быстро, почти без букв: «звук», «стойка», «проход».

— Вы всё жужжите над этим блокнотом, — раздался голос над ухом.

Кирилл стоял у стойки без формы, в тёмном свитере, со стаканом в руке. Без халата и папки он на мгновение показался ей незнакомым. Не потому, что выглядел иначе, а потому что она впервые не ждала от него вопроса о рисках.

— Пчёлка, — добавил он, кивнув на блокнот.

Внутри что-то сжалось — не обида, а раздражение, резкое и непрошеное.

— Я не пчёлка, — сказала она ровно. — Я веду журнал.

И чтобы не объяснять дальше, просто закрыла блокнот.

— Простите. Плохая шутка, — спокойно произнёс Кирилл и сел напротив.

Бариста окликнула:

— Ваш цитрусовый раф готов.

Ася взяла стакан. Тёплый, с лёгкой цитрусовой ноткой — именно такой, как она любила.

Кирилл услышал это, едва заметно улыбнулся и что-то запомнил про себя.

Разговор пошёл о простых вещах. Ася призналась, что давно не брала полноценный выходной. Кирилл рассказал, что после смены часто задерживается в клинике, потому что не сразу может перестать мысленно обходить палаты.

Она не стала говорить, что это звучит как привычка, которую трудно вынести одному. Он не стал спрашивать, почему она держит блокнот даже за чашкой кофе. Они помолчали, и пауза не показалась неловкой.

За стеклом шли люди с мокрыми зонтами. На несколько минут их рабочий мир остался по другую сторону улицы.

Дождь стучал по навесу. Ася допила кофе. Ей было непривычно легко — просто сидеть рядом с Кириллом и не думать о работе.

У выхода они попрощались. Кирилл направился обратно в клинику, а Ася задержалась под навесом, пережидая дождь. Только когда он скрылся за углом, она достала блокнот и записала: «Павел — звук уведомления тише. Марина Петровна — стойка справа от поста. Кирилл — пчёлка (не смешно)».

Последнюю строку она не стала зачёркивать. Пусть останется.

Глава 3. Пауза

Система работала третий день, когда в палате № 7 изменилось состояние пациента.

Ася сидела у свободного стола, проверяя журнал сигналов, когда на панели мигнула жёлтая отметка. Потом ещё раз. Через четыре секунды — снова. Она подняла глаза. Медсестра уже была у койки: быстрые руки, стетоскоп, взгляд на монитор. Кирилл вышел из ординаторской и направился к посту, не ускоряя шаг.

Ася посмотрела на временную метку сигнала: 14:32:07. Потом на часы настенного монитора: 14:32:21. Разница — четырнадцать секунд. Она перевела взгляд на свой ноутбук: 14:32:15. Три устройства, три времени.

Кирилл у койки работал спокойно. Проверил показатели, назначил дополнительный осмотр, сделал запись в бумажном журнале. Пациент стабилизировался. Но Ася уже знала: проблема не в пациенте — проблема в данных.

Она открыла журнал системы и сверила метки. Сигнал пришёл вовремя, но отображение на панели задержалось. В логах — 14:32:07. На экране появилось в 14:32:21. Четырнадцать секунд. В реанимации четырнадцать секунд — это не задержка, это пропасть.

Кирилл вернулся к посту.

— Пациент стабилен. Что у тебя?

— Расхождение времени. В журнале сигнал отмечен в 14:32:07. На панели он появился, когда настенные часы показывали 14:32:21. Мой ноутбук в тот же момент показывал 14:32:15. Три источника — и пока непонятно, какие часы отстают.

Кирилл посмотрел на экран. Лицо не изменилось, но Ася увидела, как он чуть сжал челюсть.

— Насколько это влияет на порядок событий?

— Пока не знаю. Если часы разошлись до инцидента, последовательность может быть неверной. Если после — данные на момент сигнала корректны, но отображение задержано.

— То есть ты не можешь сказать, что показала система — до или после того, как медсестра подошла к койке?

— Пока не могу.

Кирилл помолчал. Потом сказал тихо, чтобы не слышала смена:

— Это нужно остановить.

Ася кивнула. Она знала, что он прав. Отключить систему — значит признать, что данные ненадёжны. Оставить — значит рисковать тем, что следующий сигнал нельзя будет доверять.

Она подошла к стойке и отключила панель. Экран погас. Отделение сразу показалось громче: звуки мониторов, шаги, голоса — всё вернулось к обычному шуму, без электронного слоя.

Марина Петровна посмотрела на тёмный экран, потом на Асю.

— Надолго?

— Пока не разберёмся с временем.

Старшая медсестра кивнула без вопросов. Бумажный журнал лежал на посту — ровно там, где лежал всё это время.

Остаток дня Ася провела за журналами. Она сверяла три источника времени: системные логи, настенный монитор и свой ноутбук. Расхождение между ними — от двух до шестнадцати секунд. Не постоянное, не линейное. Она записала каждый случай, выстроила в таблицу, попыталась найти закономерность. Не нашла.

Павел приехал к вечеру. Увидел отключённую стойку, ничего не сказал, открыл свой ноутбук и начал проверять конфигурацию. Работали молча. Иногда он задавал короткий тех-

нический вопрос, Ася отвечала. Ксюша написала в мессенджере: «Скажи, если нужна помощь с коммуникацией для клиники». Ася ответила: «Пока не нужно. Сначала факты».

К семи часам стало ясно: часть расхождения объяснялась перезапуском оборудования. Система обновляла время при каждом перезапуске, но не всегда синхронизировалась с сервером клиники. Настенный монитор работал от внутренних часов и не сверялся ни с чем. Ноутбук Аси — от системного времени, которое могло отставать при выходе из спящего режима. Три независимых источника, ни один из которых не был эталоном.

Этим объяснялась часть расхождений. Но не все.

В одном случае разница составила шестнадцать секунд — между двумя событиями, записанными одним и тем же устройством. Перезапуска в этот момент не было. Ася выделила это место в журнале и написала: «Причина неизвестна. Требуется отдельная проверка».

Кирилл зашёл в ординаторскую, когда смена уже заканчивалась. Он не сел, встал у двери.

— Что нашла?

— Перезапуск объясняет часть. Но не всё. Есть расхождение, которое я пока не могу объяснить.

— Сколько времени нужно?

— Не знаю. День-два на проверку. Может, больше.

Кирилл кивнул. Он не стал говорить, что это плохо или что проект под угрозой. Он спросил:

— Ты записала всё, что нужно для проверки?

— Да. Журналы, логи, показания монитора. Всё сохранено.

— Тогда поехали. Тебе нужно уехать отсюда, а не сидеть до утра.

Ася хотела возразить, но поняла, что он прав. Глаза уже слипались, а таблица расхождений начала двоиться.

На улице лило. Не дождь — стена воды. Ася вышла из клиники под козырёк, раскрыла зонт, и ветер тут же вывернул его. Кирилл остановился рядом, поднял воротник.

— Транспорт встал, — сказал он. — Я подброшу до метро.

Машина была обычная, не служебная. Серый кузов, на заднем сиденье — детское кресло. Ася заметила его и не стала спрашивать. Кирилл убрал с переднего пассажирского сиденья свёрток с формой и положил на заднее.

Ехали медленно. Дворники едва справлялись, дороги блестели, фонари отражались в лужах. Ася смотрела в окно. Кирилл вёл машину сосредоточенно, без музыки, без разговоров. Молчание не требовало объяснений. После восьми часов с журналами и таблицами Ася не хотела говорить. И он не просил.

У светофора Кирилл остановился у киоска.

— Подождёшь минуту?

Он вышел и вернулся с двумя сэндвичами в прозрачной плёнке. Положил один Асе на колени.

— Ешь. Ты с обеда ничего не ела.

Ася хотела сказать, что не голодна, но развернула плёнку и откусила. Хлеб был мягкий, ветчина тёплая. Она поняла, что голодна. Очень.

Кирилл ел за рулём, придерживая его одной рукой. У метро он остановился, но мотор не заглушил.

— Мы не знаем, что именно произошло, — сказала Ася.

— Пока не знаем, — ответил Кирилл. — Это не значит, что мы не узнаем.

Он сказал это без утешения. Просто факт. Ася посмотрела на него: тёмный силуэт на фоне мокрого стекла, фонарь за окном очерчивал профиль. Тени под глазами были глубже, чем утром.

— У тебя есть мой рабочий номер, — сказала она. — Но если что-то по журналам — лучше писать на личный.

Она продиктовала номер. Кирилл ввёл его в телефон и кивнул. Потом набрал номер — из сумки Аси донёлся короткий сигнал.

— Теперь у тебя есть мой, — сказал он.

— Спасибо за сэндвич, — сказала она.

— Спасибо за журналы, — ответил он.

Она вышла из машины и пошла к метро, раскрыв зонт.

Дома Ася скинула мокрую куртку, поставила чайник и села на кухне с раскрытым блокнотом. Она дописывала рабочие заметки, когда из сумки донёлся сигнал. Ася достала телефон: сообщение пришло с незнакомого номера — «Ты добралась?» Она сохранила номер как «Кирилл» и ответила: «Да, добралась. Спасибо».

Ответ пришёл через минуту: «Хорошо».

Ася убрала телефон и закрыла глаза. Чайник щёлкнул. Сегодня Кирилл не назвал её пчёлкой. Ася поймала себя на том, что заметила это.

Перед сном она раскрыла блокнот и записала: «Расхождение 16 сек — причина неизвестна. Перезапуск объясняет часть. Проверить синхронизацию с сервером клиники. Сэндвич был хорошим».

Последнюю строку она перечитала, хотела зачеркнуть. Не стала.

Глава 4. Несовпадение

Они встретились в ординаторской в девять утра. Кирилл принёс бумажный журнал отделения, Ася — ноутбук с логами и распечатки с временными метками. На столе легли три ряда данных: система, настенный монитор, ручные записи медсестёр.

Начали с инцидента в палате № 7. Ася выстроила последовательность: сигнал в логах — 14:32:07, отображение на панели — 14:32:21, запись медсестры в журнале — 14:32:18. Кирилл ткнул пальцем в бумажную запись.

— Медсестра записала 14:32:18, — сказал он. — Она смотрела на настенные часы.

— Которые показывали 14:32:21, — ответила Ася.

— Получается, она записала на три секунды раньше, чем часы показывали. Человеческая погрешность.

— Или часы в коридоре отставали от часов у монитора, — предположила Ася.

Кирилл посмотрел на неё.

— Два разных часа в одном отделении?

— Бывало и хуже, — сказала Ася.

Они двинулись назад по дням. Ася открывала лог за логом, Кирилл сверял с записями смены. Часть расхождений ложилась на перезапуск: после каждого обновления система брала время с сервера клиники, но сервер не всегда отвечал мгновенно. Иногда задержка составляла секунды, иногда — больше. Настенный монитор жил своей жизнью, отставая на пять-восемь секунд от сервера. Ноутбук Аси — на две-три секунды, в зависимости от спящего режима.

К обеду они разобрали первый и второй дни. Семнадцать случаев. Двенадцать объяснялись перезапуском и рассинхронизацией. Пять — нет.

Ася выделила пять необъяснённых случаев в отдельную таблицу. Все пять — после перезапуска, когда система уже должна была взять верное время. Расхождение — от шести до шестнадцати секунд. Ни закономерности, ни повтора.

— Кто имеет доступ к серверу? — спросил Кирилл.

— Из нашей команды, я и Павел, — ответила Ася. — Из клиники, безопасник и техподдержка. Доступ подрядчика ограничен диагностическим режимом.

— Проверь, кто заходил в эти моменты.

— Проверю. Но логи доступа тоже с того же сервера. Если время на сервере «гуляет», логи доступа тоже ненадёжны.

Кирилл откинулся на стуле. Не раздражённо — задумчиво. Он привык работать с фактами, а здесь факты зависели от инструмента, который сам был под вопросом.

— Давай пока не строить гипотез, — сказал он. — Запишем то, что подтверждено. Остальное — отдельной строкой.

Ася кивнула и написала в отчёте: «Подтверждённые расхождения: 12 из 17. Причина: рассинхронизация часов при перезапуске. Неподтверждённые: 5 из 17. Причина: требуется отдельная проверка. Доступ к серверу: проверить журнал входов».

Письмо пришло в два часа дня. Ася увидела его на рабочем адресе, когда вернулась к ноутбуку после перерыва. Отправитель — безымянный, адрес зарегистрирован в иностранном домене. Тема: «Важно». Тело сообщения — одна строка:

«Не списывайте все расхождения на перезапуски».

Вложение было файлом без расширения. В письме не было ни имени, ни подписи. Ася не стала строить догадок об авторе.

Она не стала открывать вложение, сохранила письмо, сделала скриншот и позвонила безопаснику клиники. Тот попросил переслать заголовки и не открывать вложение до проверки. Ася ответила согласием.

Через пятнадцать минут она написала Кириллу: «Нужно поговорить. Не по телефону». Он ответил через три минуты: «В пять, в ординаторской».

Ася показала ему письмо на экране. Кирилл прочитал дважды.

— Когда пришло? — спросил он.

— В два, — ответила Ася. — Я не открывала вложение. Безопасник уже проверяет.

— «Не списывайте все расхождения на перезапуски», — прочитал Кирилл медленно.

— Что это значит?

— Может значить разное. Кто-то менял логи. Или кто-то хочет, чтобы мы думали, что их меняли. Или это спам.

— Ты веришь, что это спам? — спросил Кирилл.

— Нет, — ответила Ася.

Кирилл помолчал.

— Тогда нужно проверить доступы. Кто мог изменить рабочие копии?

— Из команды — я и Павел. Из клиники — безопасник и техподдержка. Подрядчик — в диагностическом режиме, — перечислила Ася.

— Тот же список.

— Тот же.

Ася открыла журнал входов на сервер. Шесть записей за три дня: три — её, одна — Павел, одна — безопасник, одна — техподдержка. Ни одной — от подрядчика. Но если время сервера «гуляло», метки входов тоже могли быть неточными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.